

— Монах, ты же знаешь полно всяких боевых искусств, да? Что используешь на этот раз? — спокойно спросил евнух Цзинь Сянь.

Усинь лишь рассмеялся в ответ. Прекрасный, словно журавль в небе, он парил в воздухе, и рукава его раздувались на ветру.

— Что этот монах делает, а? — недоуменно спросил Лэй Уцзэ.

— Он... — Сяо Сэ удивленно запнулся. — Танцует?

— Прекрасно! — воскликнул евнух Цзинь Сянь, — Это действительно танец демона неба! Вот только без остальных восьми демонов твой танец не столь красив, и ты кажешься немного одиноким.

Усинь по-прежнему молчал и продолжал свой танец. С каждым мигом рядом с ним появлялось все больше фигур. Каждая из них была облачена в белое и имела расплывчатое лицо, но движения их разнились.

— Раз... два... три... восемь, — Лэй Уцзэ неуверенно потер глаза. Пусть раньше он и имел дело с техникой Меча скрывшейся луны Юэ Цзи, но сейчас в воздухе перед ним одновременно танцевали восемь фигур... Эта техника явно была на порядок выше, чем у Юэ Цзи. — И все же... он вообще сможет кого-то убить своим танцем?

— Отвернись! — Сяо Сэ вдруг быстро повернулся спиной к Усиню. — Этот монах и впрямь так коварен!

— Что такое? — нахмурился Лэй Уцзэ.

— Ходят слухи, что танец демона небес исполняется демоном небес и его восемью служанками. Это дурная техника, которая всегда держалась в тайне и не передавалась ученикам. Говорили, что, пока восемь служанок одновременно исполняют свой танец, простые смертные падут ниц под влиянием их дьявольской красоты. Даже если бы тем несчастным приказали идти и сброситься с обрыва в бездну, они тотчас бы пошли на неминуемую смерть, — Сяо Сэ вздохнул и выразительно кивнул в сторону. — Просто взгляни на остальных!

Лэй Уцзэ послушно оглянулся, но увидел только то, как оба монаха-воина из храма Дафаньинь сидели, закрыв глаза, сложив руки перед собой и громко читая мантры. Что же до преподобного, то он просто закрыл глаза и все так же качал головой. Но Бо Юн, Лин Цзюнь и четверо носильщиков были полностью поглощены танцем Усиня: тела их едва заметно покачивались в такт движениям монаха.

— Это... — удивленно протянул Лэй Уцзэ. Раньше он никогда не видел ничего подобного.

— С тобой еще все в порядке? — растерянно окинул взглядом юношу Сяо Сэ. — Неужели это на тебя не влияет?

— На меня это... — Лэй Уцзэ еще раз внимательно посмотрел на танец Усиня и восьми призрачных фигур. Все, что он мог сказать, так это то, что белые одеяния, развевающиеся от каждого движения танцоров, выглядят просто божественно. — Не очень влияет?

Тем временем евнух Цзинь Сянь взмахнул мечом, и ледяная ци закружилась в воздухе, словно бабочка, летящая от цветка к цветку. Однако ци не нанесла никакого вреда Усиню, а, наоборот, будто оживила его танец демона небес.

— Монах, пусть тебе и удалось передать всю красоту танца демона небес и его восьми служанок, но я стал евнухом больше тридцати лет назад. В моих глазах вы все лишь мешки с кровью и костями. От одного взгляда на них мне дурно становится. Ну что, есть ли у тебя еще что-нибудь мне показать?

Одна из восьми фигур рядом с Усинем вдруг задрожала и стремительно бросилась к евнуху, выставив перед собой правую ладонь.

— Умение Душа нараспашку! Ты даже выучил одно из боевых искусств Великого сострадания! — евнух Цзинь Сянь взмахнул мечом, и волна ледяной ци устремилась к фигуре в белом, медленно, но верно ее останавливая. В конце концов та оказалась закована в глыбу льда. Евнух Цзинь Сянь не глядя махнул рукой, и лед вместе с закованной в него фигурой разлетелся на мельчайшие осколки. — Может хватит играть на публику? Покажи свои настоящие способности!

— Показать настоящие способности? — Усинь горько вздохнул. — Евнух, слава о твоих заслугах гремит по всему миру! Я тебе не соперник!

— Не соперник мне?

— Ни в коем случае!

— Тогда умри! — воскликнул евнух Цзинь Сянь и поднял меч над головой. — Покончим с этим!

Тотчас сверкнула ослепительно-белая ци, и на всех балках, окнах и дверях монастыря осел иней. Сяо Сэ плотнее запахнул шубу, Лэй Уцзэ вновь выпустил горячую ци.

— Ты что делаешь? — удивленно спросил Сяо Сэ Лэй Уцзэ.

— Просто стоять и смотреть — такая потеря!

— Ты совсем без инстинкта самосохранения, да? Раз уж ты слышал имя Шэнь Цзинчжоу, то должен знать, сколь страшен меч в его руках.

— Конечно, я знаю. В семнадцать лет он впервые вошел в мир боевых искусств и сразу же бросил вызов пяти великим школам меча. За две сотни ударов он победил главу школы Гуин[1], Чжо Цзыцзая и главу школы Юньци[2], И Шуйхуна. А затем за триста ударов он нанес поражение хозяину павильона Тяньцянь[3], Ся Хуэю. Потом пришла очередь Фу Цинфэна из дома меча Цанлэй[4]. Того называли первым по скорости в Поднебесной, и всего за десять ударов он мог одержать победу. Однако Шэнь Цзинчжоу уже на восьмом ударе выбил меч Цинлэй из рук Фу Цинфэна. Только когда он бился с главой клана Тяньшуй, Сяо Чуньшуйем, и не смог одолеть противника даже после пятисотого удара, он просто вложил меч в ножны и ушел. Но Сяо Чуньшуй лишь в двадцать лет сделал себе имя, тогда как Шэнь Цзинчжоу было лишь семнадцать! С тех пор весь мир боевых искусств заговорил о нем. Говорили, что, хоть Шэнь Цзинчжоу и мужчина, черты лица его чрезвычайно красивы. Со взмахом меча развевались его белые одежды, а ледяная ци несла за собой зиму... Не счесть юных дев, что поклонялись ему. Я даже как-то слышал пару строчек, что кто-то написал в честь него: словно бессмертный, спускающийся с небес, меч его несет с собой ветер и холод. Но через три года Шэнь Цзинчжоу бесследно исчез. Никто не знал, куда он отправился и почему вообще ушел.

— Тогда Шэнь Цзинчжоу было семнадцать... — задумчиво пробормотал Сяо Сэ. — И этому монаху, думается мне, сейчас столько же.

Оставшиеся семь фигур вокруг Усиня слились в одну. Сам же монах закрыл глаза, соединил ладони и запел что-то на санскрите. От слов его полы белой рясы взметнулись вверх, а четки, что до этого спокойно висели на шее, с щелчком поднялись в воздух. Евнух Цзинь Сянь взмахнул мечом, и волна ледяной ци ринулась к монаху.

— На этот раз он действительно хочет убить его! — воскликнул Сяо Сэ.

В этот миг глаза Усиня распахнулись, и юношу окружил полупрозрачный колокол. Меч Цзинь Сяня ударил прямо в колокол, но исчерпал импульс лишь в нескольких сантиметрах от груди Усиня.

— Колокол Мудрости сердца, — пробормотал евнух. И хоть меч его был остановлен, но ци все еще двигалась в сторону Усиня.

— Безграничную мудрость хранит спокойное сердце: тогда естественны все слова, сказанные вслух и про себя, и движения тела, равно как и его покой, спокойны и плавны, — тихо пробормотал Усинь. Он вдруг невообразимым образом прогнулся в талии так, что ледяная ци лишь чуть захладила кожу его лба.

— Монах, я спрошу тебя последний раз. Ты уйдешь со мной?

— Ах, слова твои звучат так, будто мы любовники и собираемся сбежать без брачного обряда. Ну ты и развратник, евнух, — рассмеялся Усинь. — Этот монах чувствует, как алеют его щеки.

На миг евнух Цзинь Сянь удивленно застыл, а затем тоже засмеялся.

— Такого интересного монаха даже будет жалко убить.

— Убить меня?! Было бы это так просто! — глаза Усиня вспыхнули пурпурным светом.

— Вызов внутреннего демона? Уж не та ли это техника, из-за которой мастер Ванью стал одержим?.. — ошеломленно пробормотал евнух Цзинь Сянь. В тот самый миг, когда он встретился взглядом с Усином, разум его пришел в смятение.

Адский жар пожара, пылавшего день и ночь, окутал евнуха. Воздух наполнился душераздирающими криками. На городской стене его отец взмахнул мечом, и тотчас стрела сбила его с ног. Сердце Цзинь Сяня задрожало от отчаяния: последние оставшиеся в живых члены его семьи умирали или в пламени пожарища, или от рук врагов. Совсем скоро город рухнет под натиском конницы[4] Великой Лян. И тогда самого Цзинь Сяня схватят, обвяжут кнут вокруг шеи и проволокут по всем этим землям, пока он не умрет. Солдаты из Великой Лян очень жестоки, так что, даже если он умрет сам, они наверняка сдерут потом с его трупа кожу... "Лучше уж решить все самому, чем умереть так позорно", — мелькнула мысль. Цзинь Сянь крепче сжал кинжал.

"Да, лучше самому поскорее покончить с этим..." — зашептал кто-то в его голове.

Цзинь Сянь рассмеялся. Глаза его, до этого почти потухшие, вновь засветились мыслью. Иллюзия исчезла.

— Давно мне не вспоминался тот день, — евнух взглянул на свой меч и тихо рассмеялся. — Тогда я был всего лишь слабым ребенком...

Усинь печально усмехнулся.

— Сердце евнуха нерушимо, как скала.

— Ты слышал о горе Куньлунь? Это очень холодное и пустынное место. Снег там идет круглый год, и даже через тысячи лет не растает. Я тренировался там шесть лет. Мое сердце холодно так же, как и снега с вершины Куньлунь. Внутренние демоны не имеют надо мной власти, — хмыкнул евнух Цзинь Сянь. — Ну а теперь распрощайся с жизнью!

Он взревел, и ледяная ци разбила вдребезги колокол Усиня. Однако вместо того, чтобы отступить, юный монах шагнул вперед. Рукава его рясы захлопали на ветру, когда он приготовился принять атаку. Но тут евнух Цзинь Сянь вдруг взвился в воздух и приземлился прямо перед Сяо Сэ и Лэй Уцзэ.

— Малыш Усинь, ты сам говорил, что мне не противник. Тогда может попросим твоих дружков

помочь?

На миг Лэй Уцзэ удивленно застыл, а затем поспешно замахнулся.

— Нет! — только и успел взволнованно выкрикнуть Сяо Сэ.

— Техника Невидимого кулака семьи Лэй! Неплохо! — фигура евнуха вспыхнула, и он оглянулся, окинул взглядом обоих, а затем с легкостью увернулся от удара.

К тому времени, когда Лэй Уцзэ удалось погасить остаточный импульс, евнух Цзинь Сянь уже вновь оказался у своего паланкина. Однако во взгляде его читалась странная задумчивость.

— Ветер с севера несет холод, а озябший странник все еще не нашел теплой одежды, — тихо пробормотал он себе под нос.

Примечания:

[1] - 孤影 - Школа Гуин. Под школой подразумевается школа меча. Гуин дословно можно перевести как "одинокая тень".

[2] - 云居 - Школа Юньци. Дословно Юньци можно перевести как "жить на месте рождения облаков; жить в отшельниках".

[3] - 天剑 - Павильон Тяньцзянь. Тяньцзянь дословно можно перевести как "божественный меч" или "меч судьбы".

[4] - 重骑 - Конница. Здесь имеется в виду тяжелая кавалерия.

<http://tl.rulate.ru/book/27215/1083237>